

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

А. Е. Левинтов

Левинтов Александр Евгеньевич (Москва, Россия) — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ; E-mail: alevintov@redshift.com

СССР-КУБА: СТРАННЫЕ ИГРЫ ОБМЕНА

В течении почти семнадцати лет, с 1972 по 1989 год, я занимался экспортно-импортными перевозками морским транспортом СССР и потому хорошо помню до сих пор все странности этой торговли. Кроме того, в 1980-84 годах я входил в состав разработчиков «Долгосрочной программы развития морского транспорта Республики Куба до 2000 года», трижды ездил на Кубу и провел там в общей сложности более полугода. Всё это дает мне, кажется, право на написание данного текста.

Выбор пути

Перед немногочисленной «партией» (кликой, бандой, шайкой, бандформированием), захватившей власть на Кубе, возник выбор: искать примирения с Америкой, пойти по пути безродного и космополитического троцкизма, выбрать маоистский путь, пойти навстречу кремлевским эмиссарам.

Выбрано было последнее — уж очень заманчивыми были посулы, которые, кстати, безукоризненно выполнялись впоследствии. И Фидель [Кастро] во всеуслышание заявил о выборе советского социалистического направления. Его ничуть не смущало, что из 10 миллионов кубинцев один миллион — миллионеры, один миллион — таксисты и один миллион — проститутки.

Бегство с острова Свободы шло по двум основным каналам — в Мексику и во Флориду, быстро превратившуюся в кубинский штат (от Мариэля до Ки-Уэста всего 90 миль, легко преодолеваемые катерами и яхтами).

Сахарные страдания

Первое, что пошло в обмен на обучение Фиделя марксизму, стал сахар-сырец. СССР и Чехословакия резко сократили посевные площади под сахарную свёклу и производство свекловичного сахара, как вскоре выяснилось, совершенно напрасно: вместо обещанных для старта 5 млн. т тростникового сахара-сырца (с ростом в перспективе до 10 млн. т) кубинцы поставили неполных два — неурожайный год. Потом этих неурожайных лет оказалось столько, что урожайных просто не стало. Максимум поставок в СССР — 3,5 млн. т. Это привело к устойчивому дефициту сахара в стране, особенно летом (домашняя и промышленная заготовка ягод и фруктов на зиму). Дефицит резко усилился после антиалкогольных кампаний Андропова и Горбачевой: производство самогона по ряду областей превысил государственное производство водки.

Мировые цены на сахар колебались от 7 до 15 центов за фунт — мы покупали по 90-110 инвалютных копеек (1-1,5 доллара), гораздо дороже внутренних розничных цен (в 2,5-3 раза), то есть явно и откровенно себе в убыток. Тут надо и радоваться и плакать одновременно: неурожай сахара на Кубе сокращали наши убытки на импорте, но нагнетали социальное недовольство дефицитом сахара на прилавках.

Кубинцам эта «битва за урожай» сахара тоже была не патокой: страна неудержимо скатывалась к монокультурному сельскому хозяйству, сворачивая производство цитрусовых, кофе и тропических плодо-овощей. На битву рекрутировалось всё городское население, как у нас «на картошку».

Погоня за сахаром привела к тому, что на

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Кубе практически не утилизируются: патока, фурфурол, багасо и другие. При урожае сахарного тростника в 10 млн. т Куба ежегодно сжигала в кострах 9 млн. т багасо (волоконный остаток после отжима сока). Бразильцы выращивают более 100 млн. т сахарного тростника и уже более полувека производят из багасо биотопливо для автомобилей, половину всего автомобильного топлива в стране.

Нефть и энергетика

На Кубе был всего один нефтеперерабатывающий завод (в Гаване), мощность которого около 9 млн. т, второй завод (4 млн. т) мы построили в городе Сьенфуэгос на Карибском побережье. Экспорт советской нефти доходил до 18 млн. т: танкера, приходившие не в Гавану, а в порт Мариэль, сливали нефть не на берег, а на подконтрольные Кубе танкера, развозившие эту нефть по странам Карибского бассейна, прежде всего, в Никарагуа.

При мировых ценах на нефть в 20-30 долларов за баррель, мы продавали кубинцам нефть за 7-11 инв. рубля за тонну, примерно в 8-10 раз дешевле. При этом на доставку этой нефти сжигалось танкерами топлива в объеме, эквивалентном 25 % экспорта нефти.

Надо сказать, что вся морская торговля между Кубой и СССР осуществлялась экспорт-сиф импорт-фоб, то есть советскими судами.

Почти исключительно из-за цен на нефть и сахар СССР был единственной страной, имевшей с Кубой отрицательное сальдо внешнеторгового баланса.

Кроме того, мы строили-строили, но не достроили атомную электростанцию в Сьенфуэгосе — и хорошо сделали, что недостроили, кубинцы точно довели бы её до Чернобыль-эффектов.

Никеле-кобальтовые концентраты

Куба — один из крупнейших мировых производителей никеля и кобальта. Месторождение в Моа разработали еще американцы. Мы очень долго строили здесь ещё один комбинат SAME UNO

(СЭВ-1), но так и не достроили. Нам этот никель, при наличии Норильского комбината и уральских месторождений, как пятое колесо в телеге. Поэтому мы довольно цинично и не спешили на этой стройке кубинского коммунизма.

Кубинцы же очень хотели расширить экспорт этого товара в Канаду и европейские страны, так как это был самый мощный источник валюты в стране.

Конструктивные материалы

Мы везли на Кубу в огромных количествах цемент, асбест, арматуру, металлоконструкции, строительный лес и лесоматериалы, а в обратном направлении — очень жиденький поток кубинского мрамора с острова Хувентуд.

Мы много строили — объектов промышленного, энергетического и транспортного назначения, мы очень помогали в жилищном строительстве, но немного доходило до эксплуатации. Морской контейнерный терминал в Гаванском порту, например, просто ушёл под воду. Наша расхристанность, умноженная на кубинскую расхлябанность давали порой ошеломляющие результаты.

Автомобили

В основном на Кубе использовались аргентинские форды — раздолбанные и небезопасные в эксплуатации. Наши «жигули» продавались в розницу за 2-3 тысячи песо (1.8-2.7 тыс. рублей), но только за номенклатурные или военные заслуги.

Алкоголь и табак

«Habana club» — трехлетний «серебряный» ром доминировал в кубинском экспорте, но мало, кто знал тогда, что этот ром — исключительно для коктейлей, которые у нас пили весьма немногочисленные снобы. Наш экспорт водки был гораздо скромнее, а вина и вовсе почти не поставлялись.

Зато кубинские сигареты «Лихерос» («Лёгкие»), «Популярес» («Популярные») и что-то ещё,

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

запретельно дешёвые, заполняли собой табачные киоски, правда, почти только московские. Кубинские сигареты очень напоминали наши «махорочные». Сигары («Ромео и Джульетта», «Н. Urmann», «Монтекристо» и другие) — не наше курево. Точно также и кубинцы не поняли смысла и смака нашего «Беломора» и папирос вообще.

Картошка и прочее продовольствие

Сильное недоумение вызывала наша гнилая картошка, поставляемая на Кубу в обмен на их «молодой» картофель. Но это была экзотика, как и кубинские грейпфруты. Надо сказать, что предметы ежедневного потребления, включая продовольствие, не входили в товарооборот по понятным социально-политическим причинам.

Так как СССР был крупнейшим в мире импортером зерна, то и на Кубу шел не экспорт, а реэкспорт канадского, американского и аргентинского зерна в объеме до 1 млн. тонн.

Товарообмен на индивидуальном уровне

На Кубе одновременно находилось от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч советских людей: военные, преподаватели, тренеры и спортсмены, учителя, геологи, строители, артисты, инженеры, моряки, рыбаки, экономисты, партийные функционеры и т.д. И большинство из них участвовало в товарообмене на индивидуальном уровне. Самыми ходовыми товарами были кубинские сигареты и парфюмерия, любая. В гаванской «Диплотьенде» (магазин для иностранцев) блок сигарет стоил одно песо (90 копеек), при товарообмене — десять песо, а в свободной торговле — 18 песо.

По квартирам и кварталам, населенным советскими, постоянно ходили кубинцы с предложением продать им сигареты, парфюм или что угодно. Иногда вместо денег предлагался специфический кубинский товар — девушка. Она стоила 10 песо или товарный эквивалент этой суммы. Но всегда надо было следить, чтобы она не спёрла что-нибудь по ходу дела. Мне запомнилась весьма

респектабельная, даже роскошная женщина, которая предлагала вместо денег свою дочку лет 12-13.

Военная коммуникация

Строго говоря, это и было главным товаром в обмен на коммунистическую идеологию. Мы поставляли на Кубу ракеты, нацеленные на США. Их перевозили подлодками, шедшими под грузовыми судами и потому неуловимыми американскими радарными.

Американцы были крайне недовольны этим, и в 1962 году вспыхнул карибский кризис, чуть не закончившийся третьей мировой. Только трезвость Джона Кеннеди и трусость наших генералов спасли мир от ракетно-ядерной катастрофы.

Кроме ракет, мы поставляли на Кубу практически все виды вооружений. В Эфиопии-Эритрее, в Анголе и Латинской Америке афро-кубинские солдаты, вооруженные нашими калашами и прочим полевым оружием, изображали из себя революционных повстанцев и патриотов.

Интеллектуальный обмен

А вот этот обмен отличался необыкновенной широтой и разнообразием.

Наш интеллектуальный экспорт был представлен:

- марксизмом
- профессиональным образованием (на Кубе работали наши преподаватели, в советских вузах учились кубинские студенты)
- русизмами в кубинском языке (rabotar — работать по-русски, неистово, esmetana — сметана, gulienda — гулящая, проститутка и т. д.)

В импорт можно положить:

- лингвистические приобретения типа «патрио о муэрто» и «но пасаран!»
- пляжная культура секса
- шикарные рестораны и кабаре, прежде всего, знаменитая «Тропикана», культура коктейлей
- пивная культура (однажды я, после вчерашнего, решил попить пива, в ближайшей серверии бутылочное пиво лежало горой в огромной

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ванне, но на все мои мольбы и просьбы продавец неумолимо отвечал: «пива нет», в конце концов, он, взбешённый, объяснил мне: «ты, что, слепой? Нет льда — нет пива!»)

— проститутки и дома свиданий

— американские фильмы и американская эстрада (в 1980 году я посмотрел «Крестного отца» и многие другие американские фильмы, запрещенные у нас, а также впервые услышал Майкла Джексона в телевизионном еженедельном шоу «Колорама»).

В памяти советских и постсоветских людей Куба запомнилась своей революционной романтикой, «островом свободы» и сахаром сомнительной сладости, для кубинцев же СССР навсегда останется ностальгической мелодией бесконечной халавы и угрюмого трудолюбия.